

AMORE

ЗАРУБЕЖНЫЕ РОМАНЫ О ЛЮБВИ

КЭРРИ БРАУН

И ВСЁ РАВНО ЛЮБИ

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б87

Carrie Brown
THE LAST FIRST DAY

Copyright © Carrie Brown, 2013

Перевод с английского *М. Добряковой*
Художественное оформление *П. Петрова*

Б87 Браун, Кэрри.
И всё равно любви / Кэрри Браун ; [пер. с англ.
М. С. Добряковой]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 320 с. — (Аморе. Зарубежные романы о
любви).

ISBN 978-5-699-85722-7

Питер и Рут вот уже пятьдесят лет счастливы в браке. Питер — директор школы, Рут — его помощница. Все эти годы они идут рука об руку. Но в их жизни наступает сложный период. Мужчина вынужден покинуть пост директора. Смогут ли они смириться с потерей любимого дела, в которое вложили столько сил и любви? Получится ли у них в очередной раз доказать судьбе, что никакие несчастья не сломят их любовь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Добрякова М., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85722-7

Часть I

Последнее первое сентября

.....

Глава 1

В то утро Рут, готовясь к вечернему нашествию гостей, выволокла пылесос из чулана в передней. Чтобы добраться до него, пришлось прокладывать дорогу через залежи домашнего скарба — зонты, башмаки, затхлые от древности пальто. Попался даже старый кинопроектор Питера, тяжеленный, будто свинцовый, в чехле цвета болотного мха, и полдюжины коробок с пленками — вся их жизнь в Дерри с самых первых дней. Питер, свежее испеченный учитель, горел тогда энтузиазмом и снимал все подряд — бесконечные часы вялых футбольных матчей; соревнования по гребле ранней весной, когда ветер задувал так свирепо, что то и дело заставлял каноэ клевать носом о поверхность озера; и тот зимний вечер, когда Роберт Фрост читал свои стихи у них в часовне.

Мистер Фрост держался за ужином весьма отстраненно, едва ли следя за словесными гамбитами, которые разыгрывали в тот вечер школьные попечители — ради которых, собственно, все и собрались. Накрытый стол, не чета привычным блюдам школьной столовой, впечатлял — фаршированные моллюски, омары в тающем сливочном масле, с гарниром из кукурузы и отварной картошки, черничный пирог. Для Питера, организовавшего собрание, вечер стал подлинным триумфом, а для

мужской школы Дерри это была большая честь — заведение в то время слыло вполне захолустным, сюда поступали детишки из бедных семей, а вовсе не отпрыски зажиточных аристократов Новой Англии.

Попечители, обеспокоившиеся финансовым будущим школы, начали поглядывать в сторону более богатых учеников, и даже те из них, кто не увлекался поэзией — а пожалуй, других среди них и не было, подумалось тогда Рут, — признавали, что появление мистера Фроста на банкете придает школе Дерри определенное достоинство, наделяет ее репутацией интеллектуально благонадежной, и никакие деньги или состоятельные родители не смогут попасть в это яблочко столь же верно. Любовь к поэзии — читаешь ли ты стихи или сочиняешь сам — считалась признаком патрицианской изысканности. Она, эта любовь к поэзии — сколь бы никчемным, если не вредным, ни казалось это занятие практически настроенным промышленникам и торговцам, составлявшим тогда попечительский совет Дерри, — безошибочно указывала на твою утонченность. А попечителей тогда как раз интересовали длинные родословные и деньги, за ними тянущиеся. И если ради этого придется почитать стишки, значит, так тому и быть.

Мистер Фрост проглотил обед с выраженным аппетитом, но не проронил почти ни слова, склонив голову над тарелкой. Лицо его было непроницаемым, никакого выражения на нем не угадывалось, и Рут уж было заподозрила, что он недавно пережил какую-то глубокую личную трагедию.

Но когда позже в часовне он поднялся на возвышение — шел к нему, медленно переставляя ноги, как идут

люди, провожающие гроб в последний путь, — и после вступительного слова Питера принялся читать, голос его оказался неожиданно сильным. И Рут поняла, что даже скептически настроенные обыватели среди попечителей не смогут остаться равнодушными.

«Я с ночью был один знаком!» — начал мистер Фрост.

Свет был направлен на раскрытую перед ним страницу, он положил ладонь на переплет и придавил непослушные листы так сильно, словно желая переломить книге хребет. Он помолчал. Потом поднял глаза и больше не опускал, пока не дочитал стихотворение до конца.

«Я вышел в дождь и возвращался в дождь», — читал он по памяти.

Когда он произнес «оставив позади последний дом», Рут почувствовала, как каждый мальчишка, каждый учитель, сидящий с ней рядом на холодных жестких церковных скамьях — стены часовни покрыты пятнами от дыма, в старых оконных стеклах застыли колющие пузырьки воздуха, а возле алтаря в пузато-вытянутых плафонах пляшут огоньки свечей, — каждый вдохнул многие мили леса вокруг школы, неровный скалистый берег — леса штата Мэн встречаются здесь с морем, с черными беспокойными водами Атлантического океана. И, конечно, в эту минуту каждый из них чувствовал себя бесконечно одиноким, таким же одиноким, как и тот, кто читает сейчас эти стихи, — кто «мимо сторожа в потемках брел и взгляд нарочно в сторону отвел». И понимают, конечно же понимают, что это чувство одиночества жило в них всегда, пусть даже и занимало крохотную точку, укрытую от них благословенной чередой неотличимых один от другого дней.

Их встрече, впрочем, сопутствовала не только торжественность, свершилось и чудо. Строки стихов напомнили всем, что мир вокруг них раскинулся под сводами дома небесного, как называл его мистер Фрост; Рут тут же вспомнились картинки с занятий по истории искусств в Смит-колледже: вот собор Святого Петра в Риме, собор Святой Софии в Стамбуле, золоченые луковки церквей в Москве. Той ночью, как будто вознамерившись осветить свой дом небесный, небо сыпало метеоритным дождем, всполохи света тянулись сквозь ночную тьму.

Когда чтение закончилось и гости вышли на душистую от сосновой хвои улицу, все замерли, не в силах отвести от неба глаз, а кое-кто из мальчишек так и шагнул с тропинки в снег и, запрокинув голову и разинув рот, таращился на звезды. Они казались такими беззащитными, такими доверчивыми и кроткими — словно смиренные христиане, что в износившейся одежде, с обритой головой взбирались на вершины холмов в надежде быть унесенными в Его Царствие.

Вот память высвечивает другую картинку: мистер Фрост с Питером стоят друг против друга, руки оба засунули поглубже в карманы пальто, лица спокойны, но оба внимательно следят друг за другом, вокруг все молчат.

Питер прежде учился в Йеле у профессора, знавшего мистера Фроста, и через него-то — это был какой-то друг детства жены Роберта Фроста — Питер и сумел заполучить знаменитого поэта на этот вечер в Дерри. Собравшиеся стояли в молчании, небо над ними вспыхивало молниями, и Рут обхватила себя руками, завернувшись в пальто. Она была блаженно счастлива

за Питера, словно именно он дирижировал парадом метеоритов, желая польстить гостю.

Какой маленькой казалась она себе в тот вечер. Мистер Фрост читал им свои стихи, будто в осуждение, а не в знак расположения — казалось, он и вовсе не замечал никого вокруг. И все-таки она ощутила всю значительность и красоту его слов, но подступило и предчувствие смутной угрозы, будто что-то вот-вот должно случиться.

Позже, листая подшивки в библиотеке, она обнаружила, что просыпавшийся метеоритный дождь — обычное в декабре явление — был назван в честь погибшего созвездия, уже исчезнувшего с карты звездного неба. Метеориты, которые они наблюдали той ночью, были сиротами, летевшими из точки, которой больше нет.

* * *

Старые круглые коробки с пленками — прохладные на ощупь, гладкие и такие тяжелые в руках — пришлось поднять, чтобы вытащить из чулана шнур от пылесоса. Он уже давно перестал толком втягиваться в агрегат и валялся теперь немислимо спутанным клубком.

Когда же они в последний раз смотрели эти записи? Она опустилась на колени и принялась переключать коробки рядом с собой на пол в коридоре. Да, в последний раз это было по какому-то поводу, было какое-то мероприятие. Столетняя годовщина школы? Нет, не помню. Питер тогда снял в гостиной картину с кораблем, чтобы освободить стену, и они погасили свет. Он боялся, что старый проектор откажется работать, но после минутного колебания бобины медленно тронулись, и на стену устремился луч света.

Сперва пошли одни царапины — бороздки, заломы, помехи на старой пленке. А потом вдруг высветилась сцена: соревнование по легкой атлетике в Дерри, яркий день, огромные дубы шелестят налившимися за лето листьями, густые кроны сливаются в черноту, на траву тянутся косые тени.

Похоже, все в тот день здорово наорались, зрители от души подбадривали бегунов. Наверняка и птицы вовсю свистели, каждая на свой лад.

Но когда Рут вечером уселась на кушетке рядом с Питером, собираясь посмотреть запись, звука не было. Только легкий шорох проектора и знакомый запах разогретого металла.

Питер сначала направил камеру на мальчиков и медленно вел ее кругом — вот на беговой дорожке мелькнул один белый номер на спине, вот за ним другой. Когда финишировал последний участник, Питер направил объектив на толпу зрителей, поджидавших у белого каната на краю поля. Ой, а вот среди радостных лиц болельщиков мелькнула и Рут, хлопает в ладоши, улыбается. Рядом с ней какой-то мальчик, вот он о чем-то спрашивает ее, и Рут наклоняется поближе, чтобы слышать его в общем гомоне. Питер так и остановил камеру на лице Рут, совсем позабыв о бегунах. А та, словно почувствовав на себе его взгляд через все поле, вдруг обернулась и посмотрела прямо в камеру.

С тех пор прошло столько лет, но и теперь, пересматривая запись, она снова переживает всю силу того мгновения, физическое ощущение на себе его взгляда — Питер в сотне ярдов смотрит на нее сквозь объектив кинокамеры. И снова то же чувство: расстояние исчезло,

все вокруг расплылось, и галдящие мальчишки, и тени под деревьями, и полуденные высокие облака. Будто рукой прикоснулся он к нежной косточке у основания шеи на спине и притянул к себе поцеловать.

На пленке она машет Питеру в ответ рукой с другого конца беговой дорожки.

«Ладно. Хватит, перестань», — вот о чем она пома- хала.

Но он не отводил камеру, даже когда она отвернула лицо.

Через секунду она обернулась. Улыбнулась и изобразила руками прогоняющее движение, губы ее зашевелились, хотя, конечно, с такого расстояния он все равно не услышал бы ее.

Что она тогда сказала? «Перестань! Ты меня смуща- ешь!»

Сидя теперь в темной гостиной рядом с Питером и пересматривая снятую тогда пленку, Рут удивленно разглядывала себя в молодости — надо же, как будто на другого человека смотришь. Она всегда была высокой, а на фотографиях рядом с мальчиками кажется поистине гигантской, возвышаясь почти над всеми. Ее рот — мой большой рот, как она называла его — широко раскрыт, она вместе со всеми выкрикивает приветствия бегунам. Темная помада была тогда в моде, но совершенно ей не идет, рот слишком велик для такого оттенка. Волосы прихвачены на затылке в хвост шарфом с рисунком из «огурцов», ей подарила его подруга, доктор Веннинг. Это была ее любимая вещь, Рут просто обожала этот шарф. Тогда ей казалось, что с ним она выглядит очень изысканно и утонченно. А теперь, спустя столь-

ко лет, старая женщина, разглядывающая себя молодую, видит лишь великаншу из сказки, крепкую крестьянку. Где же курочка под мышкой? А козочка, привязанная веревкой к поясу на талии? Ведро с колодезной водой?

И что же Питер углядел-то в ней такого?

Это ведь чудо, правда, — загадка, отчего люди любят друг друга?

Но она все равно закрыла глаза, положила голову Питеру на плечо и ясно вспомнила то ощущение его взгляда на себе, его жар.

И ту любовь, что была тогда между ними.

Пылесос гудел оглушительно, но она беспощадно тащила его за собой по комнатам первого этажа. Сколько же времени она не прикасалась к нему? Рут никогда не увлекалась домашним хозяйством, особенно летом, когда школа закрыта на каникулы и гостей в доме почти не бывает.

Наверное, со старой развалиной все-таки что-то не так, иначе с чего бы ему так скрежетать. Придется отнести в мастерскую, пусть починят.

Когда-то ей казалось, что настанет день, и подобные обязанности сами собой отпадут от нее. Столько десятилетий прилежного труда — дом директора школы должен содержаться в порядке, и она никогда не увиливала, делала все как следует — только в глубине души надеялась, что когда-нибудь ей все-таки за это воздастся.

Но теперь она знает, что готовить, чистить ковры и протирать пыль она будет всегда, покуда есть на это силы. В конце концов, она ведь должна быть благодарной за то, что у них были средства содержать — пусть и не самый опрятный — дом.

Но уж на второй этаж она пылесос не потащит. Никому из гостей не придет в голову туда подниматься. Она упрятала пылесос обратно в чулан и из мешка для лоскутов, болтавшегося на крючке в дальнем конце коридора, захватила старую майку Питера. Вернувшись в гостиную, пробежалась ею по книжным полкам и видневшимся краешкам столов, оборчатым шелковым абажурам, стеганым спинкам кресел. Пыль укоризненно поднялась в воздух. После шумных рулад пылесоса тишина звенела в ушах. Рут присела к пианино и взяла несколько аккордов — марш Мендельсона. Нога уверенно жала на педаль, но руки не помнили нот, и мелодия потерялась.

Да и некогда мне тут рассиживаться и музицировать, подумала она, поднимаясь. Вон сколько дел еще.

Надо зеркало над камином отполировать, совсем оно потускнело. Рут притащила из кухни древнюю шаткую стремянку и вскарабкалась по ступенькам. Но когда она потянулась к орлу, восседавшему на верхней части зеркальной рамы, стремянка угрожающе качнулась под ней. Отражение в зеркале тоже качнулось — ну да, под таким углом обычно падают со скалы. Рут осторожно переступила и покрепче уцепилась за каминную полку. Нет необходимости ломать бедро, чтобы показать свое усердие на ниве домашнего труда.

На кухне она включила радио, повязала передник и раскатала тесто для сырных пышек, которые обычно готовила ко всяческим школьным мероприятиям. Какое-то название у них есть французское — *gougettes? gougères?* А, сырны пышки, и точка. В холодильнике она потеснила кувшинчики с майонезом, горчицей и маринован-

ными огурцами, полупустые склянки с приправами для салатов, баночки йогуртов и водрузила приготовленные противни, обернутые, чтобы тесто не заветрилось, на заставленные полки.

Потом приготовила себе бутерброд с ветчиной. Съела его прямо стоя у раковины, роняя на пол крошки.

За окном щеглы облепили кормушку-башенку. По радио заиграли Шумана. Она узнала пьесу — «Бессвязные сновидения»? Как-то так она называется. Да, на этой станции часто Шумана исполняют.

Она вдруг вспомнила, что давным-давно, еще в Йеле, они с Питером были на концерте Рубинштейна, и он исполнял как раз эту пьесу. У Рут была прекрасная память на музыку, хотя вот таланта, о каком она так мечтала, не хватало. Рубинштейн в тот вечер был немыслимо элегантен — во фраке, в волосах серебро. С их мест были хорошо видны его руки — огромные, как у портового грузчика. Тогда он показался им невозможно старым, хотя, пожалуй, ему было тогда не больше семидесяти. Моложе, чем она теперь...

Кажется, тот концерт был весной. Да, ранней весной. Талая вода бежала по улицам Нью-Хейвена. После концерта они с Питером вернулись домой — в трехкомнатную квартирку, как у всех семейных аспирантов. Раздвижные двери отделяют спальню и крохотную гостиную — тихонько поскрипывающий обогреватель и окно с витражом, которое открывалось вертикально. Коридорчик ведет в узкую кухню — умещается только плита в две конфорки. Туалет и душ спрятаны за шторкой в нише не больше чулана для метел.

Питер в гостиной — положил пластинку Шумана на диск проигрывателя. Рут наблюдает за ним с кровати, натянув одеяло до самого подбородка.

До чего же ей нравится этот звук — пыль чуть шуршит под иголкой.

Вот Питер возвращается к ней под одеяло, прижимает к себе, совсем голый и очень теплый.

Лежа в объятиях Питера, Рут слушает стремительно переливающуюся мелодию. Ей хотелось тогда — да, иногда ей очень этого хотелось — поделиться своими чувствами от музыки, описать их словами. Они с Питером как-то были в гостях у одного друга и по телевизору смотрели первые концерты Леонарда Бернштейна для молодежи. Ее захватило тогда то, как Бернштейн разобрал «Лунную сонату» Бетховена, «На голубом Дунае» и буги-вуги. Ах, как ей нравилось, когда в начале каждой передачи Бернштейн говорил детям: «Я скучал по вам!» Она чувствовала в ответ точно то же, что те счастливики, оказавшиеся с ним в зале. Бернштейн спрашивал их, видят ли они, как и он, цвета, когда слушают музыку. Звуки ударных представлялись Бернштейну огненно-рыжими, и Рут совершенно точно понимала, что он имеет в виду.

За все эти годы они с Питером какой только музыки не переслушали. Билли Холидей и Герб Алперт, «Роллинг стоунз» и «Джексон Файв», григорианские песнопения и хор ансамбля Красной армии. Но их страсть к классической музыке, особенно фортепианной, перевешивала.

При звуках фортепиано Рут хотелось говорить. Она не могла удержаться.